

звонам хваляў прыткой ручайны («Родная мова») [1, с. 37]; *Мова, падобная да салаўя, / Прасякнута любасцю жніўнай і роснай, / Мова дзядоў моіх, мова мая, / Гімн нашай долі пакутны і ўзнёслы!* («Перад вачыма неба і поле...») [1, с. 306]; *Яна гойдае спевам калыску, / літасціва шчабеча ў бядзе, / на ёй песні складаюць вятрыскі / ў неспакойны, разбуджаны дзень* («Мая мова») [1, с. 107]. Мову паэтэса параўноўвае з музычным інструментам – лірай, здольнай спяваць і гудзець: *...а мова, як ліра: спявае, гудзе, / стагоддзямі вусна прадзеца. / Промнямi слоў суцяшае ў бядзе. / А мова, як сэрца, б'ецца* («Два рэхі») [1, с. 145].

Такім чынам, профіль даследаваных канцэптаў «беларусы», «беларуская мова» адлюстроўвае як агульнанацыянальныя, так і індывідуальна-аўтарскія асаблівасці іх канцэптуалізацыі, што абумоўлена асаблівасцямі светаўспрымання паэтэсы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Геніюш, Л.* Белы сон : вершы і паэмы / Л. Геніюш. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 351 с.

Г. А. Гвоздович (Мінск, Беларусь)

ЛЕКСИКА КАТРУШНИЦКОГО ЛЕМЕЗЕНЯ

Вынесёнае в заглавіе словасочетанне *катрушніцкі лемезень*, на наш выгляд, нуждается в поясненні. Даннае выражэнне нашло адражэнне в составленном в 1889 г. и изданном в 1890 г. Е. Р. Романовым словаре «Катрушніцкі лемезень». [1, с. 9–16]. Словарь насчитывал 370 слов тайного (условного) языка шаповалов (шерстобитов) м. Дрибина Чаусского уезда Могилевской губернии (ныне Дрибин – районный центр Могилевской области). Термины тайный (условный) язык рассматриваются нами как синонимы. «Тайный (условный) язык, или криптолалія (греч. *kryptos* ‘тайный, скрытый’), – язык обособленных, замкнутых социальных групп, выполняющий определенную конспиративную функцию. Сведения о тайных языках относятся к XIII в. См.: арг, жаргон, сленг, словари социальных и профессиональных диалектов» [2, с. 635–636].

В переводе на современный язык слово *катрушнік* означает ‘шаповал’ (от *катруха* – ‘шапка’), а *лемезень* – ‘язык’. Пользовались этим условным языком дрибинские шаповалы (кустари-изготовители шапок, валенок и других изделий из шерсти), чтобы сохранить в тайне то, о чем они разговаривали между собой.

Язык как «система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [3, с. 813] социальное явление, одно из важнейших средств сохранения и передачи будущим поколениям разного рода знаний. В то же время возникали определенные сообщества людей и конкретные обстоятельства, когда

информация предназначалась не для всеобщего получения и использования, а скрывалась с целью сохранить личные или профессиональные секреты, а зачастую и для того, чтобы избежать ответственности перед законом. И тогда для общения среди «своих» изобретался «свой» язык.

Следует заметить, что условные (тайные) языки нашли широкое распространение во всем мире, время их возникновения устремляется своими корнями к «глубокой древности, и они были известны уже Геродоту» [4, с. 3], однако прослеживается их появление и в совсем недалеком прошлом. В качестве примера тайных мировых языков можно привести следующие: хобо – тайный язык американских рабочих-бродяг, возник в Америке в начале XX века после окончания Гражданской войны, особенно популярен был во времена Великой депрессии; полари – английский тайный язык секс-меньшинств; лунардо (сегодня часто называют языком танго) – был ходовым в трущобах Буэнос-Айреса, со временем стал даже популярным в городе языком; кальяуайя – тайный язык странствующих знахарей, проживающих в боливийских Андах, истоки культуры которых восходят к периоду инков; парлаче – колумбийский уголовный диалект, появился на улицах Медельина в 1980-х; код да пинчи – символы, используемые британскими ворами-домушниками, на которые полицейские обратили внимание только в 2009 году; французские коробейники – используется в тюрьмах Великобритании, а также контрабандистами; феня – офенями в России называли странствующих мелочных торговцев, история которых началась в XV веке, когда на Русь переселилось значительное количество греков, называвших себя выходцами из Афин... Были и свои «перехожие» люди, купцы и путешественники. Постепенно сложился общий условный язык – феня». Подробнее смотри: «Тайные языки мира» (Infoglaz.ru?p=82687). Какие-то свои тайные выражения есть и в детской среде, не говоря уже о молодежной. Вспоминается случай, когда мне пришлось долго искать в доме стакан со шнурками после того, как от пятилетнего сына, разговаривавшего по телефону с другом, услышала, что он что-то там не может сделать, поскольку «шнурки в стакане». Позже выяснилось, что это означает ‘родители дома’.

Весьма интересным и загадочным представляется Язык Птиц, который открыл Грасе д’Орсе в XIX веке и опубликовал ряд статей об этом языке в журнале «Ревю Британик». Перевод этих работ с французского в наше время сделан В. Быстровым. Грасе д’Орсе создал конспирологическую теорию и метод расшифровки текстов, что дало возможность проникнуть в секретный язык тайных обществ. Вот что пишет Фулканелли в книге «Дворцы философов» о предназначении Языка Птиц: «...старые мастера, публикуя свои трактаты, использовали прежде всего герметическую кабалу, которую они называли еще Языком Птиц, языком богов, веселой наукой или веселым знанием. Таким способом они скрывали от профанов принципы своей науки, набрасывая на них каббалистическое покрывало...» [5, с. 10].

Как видим, даже небольшой обзор тайных языков показывает их чрезвычайную распространенность. Е. Р. Романов собирал материалы о тайных языках на территории Белоруссии. Результатом его работы стало переиздание пополненного словаря катушницкого лемезеня (915 слов), публикация

«Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык – любецкий лемент». Могилевские нищие называли себя любками, а свой условный язык – лементом. Словарь любецкого лемента насчитывал около 1 000 лексических единиц.

Лексика катрушницкого лемезеня очень разнообразна и подается она в словаре по предметным группам и частеречной принадлежности: явления и предметы природы; предметы духовные; человек; пища; одежда; жилище; утварь, орудия; животные; растения; наиболее употребительные глаголы, наиболее употребительные прилагательные и т.п. Приводится и несколько словосочетаний и выражений. Собственной грамматики у катрушницкого языка нет, все изменения слов (склонения, спряжения) происходят в соответствии с белорусским языком. Не находим мы в словаре союзов, предлогов и междометий, зато местоимения весьма оригинальные (например *манька – я: гурь маньку хавбовь – дай мне денег; поцукруй манька – поцелуй меня*). Поскольку условный язык бытовал в устной форме, судить об особенностях орфографической и пунктуационной нормы не представляется возможным.

Рассматриваемый нами словарь насыщен словами, происхождение и внутреннее содержание которых пока не определены: *шимско – хорошо, бальвинь – ваи, шаперь – пятак, клёвые хавбы – золотые деньги, корнуть – быть* и т.п. В то же время встречается немало лексических единиц с метафорически мотивированными основами: *скрыготникъ – мельник, ходуха, ходула – нога, слыхта – ухо, настыжница – юбка, утиральникъ – полотенце, котень – колесо, подухвейка – подушка, укорник – учительница* и т.п. Прослеживается определенная связь с другими языками, на которые указывал Е. Р. Романов [4, с. 4], то есть имеется немало грецизмов: *Ахвесь – Бог, кресо – мясо, хирка – рука*, *микрый – малый, питрусъ – камень, хлюса – церковь, тэсарь – четыре*, реже встречаются латинизмы: *деушница – воскресенье, неделя, вохтымиръ – восемь, деус – солнце*, а также заимствования из немецкого (или еврейского жаргона): *штэкъ – палка, махерь – нож, хазъ – хата, комната, шихта – девушка, дочь*; из шведского: *стодъ – богатый*; из польского: *свено – праздник*; из чешского: *карфия – священник*; татарского: *басать – резать*. Встречается определенное количество областных слов, провинциализмов, которые употребляются только в одной какой-либо местности: *шкорни – сапоги, сиворка – зима, лохъ – мужик, ряха – молодница, суразный – красивый*.

Для катрушницкого лемезеня, как и для других условных языков, характерно создание слов путем определенной игры со слогами, в результате чего затемнялось внутреннее содержание слов. Здесь и перестановка слогов: *лосома – солома, лапстырь – пастырь*; и замена начальных слогов: *югун – чугун, учта – почта, юган – цыган*, или последних (характерно для глаголов): *кидориць – кидать, курдомиць – курить, кусмориць – кусать, любжсаць – любить*; и подстановка в начале слова (особенно распространена) таких криптоформантов, как *ку-*, *шу-* с ударением именно на них и зачастую добавлялись они к белорусским словам: *купопел – зола, куцэгла – кирпич, шутруна – гроб, купляшка – бутылка, кудежка – квашня, кушкло – стекло, шуиндык – индюк, купоречка – красная смородина, шулуна – луна*,

шуглина – *глина*. В этой связи интересным представляется высказывание М. Н. Приемышевой о том, что язык белорусских шаповалов отличается от русских условных языков тем, что «помимо офенской части они включают большой процент лексики только белорусских и украинских аргю. Их особенностью также является то, что оригинальная лексика в них образуется путем широкого системного использования криптоформантов... ку-, ску-, шу-, ту- ... как криптопрефиксов» (прибавление к основе, субституция первого слога)» [6, с. 20].

Встречаются в языке дрибинских шаповалов явления полисемии: *хазь* – дом и комната, *шихта* – девушка и дочь, *басать* – это резать, *жась*, *стричь*, *косить*, *сечь*, *рубить*, а также синонимии: *кузорька*, *кузезда* – звезда, *титрусь*, *шукамень* – камень, *югун*, *кучугун* – чугун, *шукум*, *христовникъ* – крестный отец. Немаловажным представляется фактор наличия определенных словообразовательных процессов с использованием как специфических, так и общеупотребительных морфем. Например, большинство имен прилагательных образуется с помощью элементов *имн-*, *-омн-*: *тонкимный*, *голимный* (*голый*), *скутимный*, *солодимный*, *худимный*, *кисломный*, *низкомный*, *тихморный*. Примечательно образование родственных слов у существительных: *жбан* (муж) – *жбаха* (жена); *волот* (конь) – *волотиха* (кобылица) – *волоток* (жеребец) – *волотенок* (жеребенок); *керха* (свинья) – *кяршонок* (поросенок), *ськил* (собака) – *ськиленок* (щенок); находим и приставочные формы: *безлемезный* (немой).

Таким образом, катрушницкий лемезень с точки зрения лексической наполняемости представляется достаточно объемным, слова по происхождению не являются однородными, тем они и интересны, а в целом изучение условных (тайных) языков не только увлекательное для лингвистов занятие, оно имеет и большое практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов, Е. Р. Катрушницкий лемезень / Е. Р. Романов // Живая старина. – СПб., 1890. – Т. 1. – С. 9–16.
2. Старичёнок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Старичёнок. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 811 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 15-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1984. – 816 с.
4. Романов, Е. Р. Белорусский сборник. Опыт словаря условных языков Белоруссии. С параллелями великорусскими и польскими / Е. Р. Романов. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1912. – 129 с.
5. Грасе, д'Орсе. Язык птиц. Тайная история Европы / пер. с фр. В. Ю. Быстрова / д'Орсе Грасе. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. – 334 с.
6. Приемышева, М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект : автореф. ... д-ра филол. наук / М. Н. Приемышева. – СПб., 2009. – 43 с.